

A woman with blonde hair, wearing a green t-shirt, a camouflage jacket, and olive green cargo pants, stands in a field at sunset. She is holding a small brown suitcase in her right hand and has her left hand on her hip. A large green suitcase is on the ground next to her. The background shows a sunset sky with clouds and a field.

КАТАСТРОФА НА БЕЛОЙ СТОРОНЕ

Унга Райская

16+

Инга Райская

Катастрофа на белой стороне

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39146032

SelfPub; 2021

Аннотация

Роман по следам катастрофы Боинга МН17 в 2014 г. Главная героиня волею судеб оказывается свидетельницей преступления американских спецслужб. У неё на руках доказательства преднамеренного уничтожения малазийских Боингов. Доказательства должны быть доставлены в Россию и предъявлены миру. В сплетении борьбы тёмных и светлых сил ей на помощь приходит любовь и магия. Чтобы победить, придётся пройти по острию судьбы и связать нити прошлого и будущего.

Содержание

Вместо предисловия	5
17.07.2014	10
18.07.2014	22
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Инга Райская

Катастрофа на белой стороне

«Свидетели показали нам, что сразу после взрыва лайнера они видели самолет в районе его следования меньший по размеру, серого цвета, который скрылся в облаках», ТАСС.

Инга Райская

Катастрофа

на Белой стороне.

Моим соотечественникам, с любовью.

Главная героиня волею Судеб оказывается свидетельницей преступления американских спецслужб. У неё на руках доказательства преднамеренного уничтожения малазийских Боингов. Доказательства должны быть доставлены в Россию и предъявлены Миру. В сплетении борьбы тёмных и светлых сил ей на помощь приходит любовь и магия. Чтобы победить, придётся пройти по острию Судьбы и связать нити прошлого и будущего.

© Инга Райская, 2017

Невнятные отклонения от реальности не меняют сути случившегося....

Инга Райская

Вместо предисловия

Я люблю летать на Храмовую гору по ночам. А при свете дня – сидеть возле Храма на площади, или пристроиться прямо на его куполе, раскинув руки и ноги в стороны. Последняя позиция хороша тем, что я вижу свой любимый дом, результат моих многолетних грёз...

Мой дом, мой Мир.... Вот он, я держу Его в руках, захожу в Него, играю с Ним, живу, люблю, даже скучаю иногда! Мой мир и Я в нём... Что важнее? Если бы Я была Другой, и Мир был бы... точнее не было бы совсем моего Мира. Сначала мы строим всё внутри, а потом это случается снаружи. Это САМАЯ СТРАШНАЯ ТАЙНА на Земле. Все остальные Тайны – и не тайны вовсе, так, секретчики. Помните, фантик, стёклышко, совочек – закопать и никому не говорить....

Что, вы это уже слышали? Я тоже раньше слышала, но узнала только когда получилось. Странная штука – Тайна. Её нельзя открыть тому, кто не может её сейчас узнать. Хоть лекцию читай, хоть на рекламной растяжке нарисуй – без толку. Не то, что секрет...

Так что, если судьба вам узнать Тайну – прочтёте эту повесть и узнаете. Вдруг кому-то пришло время? А если не пришло, то побалую Вас секретом, всё равно будет интересно.

Когда я увидела этот дом, я его сразу узнала. Нет, конеч-

но, я понимала, он должен быть именно здесь. Место я много раз видела во сне. Этот холм напротив Старого Города в Иерусалиме я приглядела во время своего первого визита в город. От него так и веяло Силой, я не могла от него оторвать взгляда, казалось, только от взгляда на это место у меня вырастали крылья. Конечно, я тогда мало что понимала, но уже могла кое-что. Я тогда хорошо запомнила место, где я буду жить. Так вот, я увидела мой будущий дом, когда проезжала мимо на прокатном автомобиле по дороге из аэропорта Бен Гурион в гостиницу в Иерусалиме. Жизнь уже катилась на салазках к кульминации моей сказки.

И я его узнала! Это было не как купить новый дом, а как вернуться домой, как поцеловать тебя после разлуки, как посмотреть в твои глаза, не видя тебя несколько лет, как услышать твой голос, давно потеряв надежду. Вот как это было.

Вообще— то мне надо было ехать прямо к моему отелю. Но поворот налево был такой ПРАВИЛЬНЫЙ, а дорога вверх на холм такой ЗНАКОМОЙ, что мой путь был яснее ясного. И вот он — последний дом на вершине холма, калитка, знакомая плитка при въезде и даже пассифлора, лениво спускающая свои прядки с забора. Моя любимая пассифлора — выюн с восьмиконечными цветами, родственница всем известной киви. Я прижала свой «смартик» вплотную к забору, вышла из авто и вдохнула горячий сухой полуденный воздух святого города.... Была середина мая и обычная для

этого времени года жара. Но какая жара – знакомая в каждом запахе, звуке, дуновении ветерка, колыхании белоснежной занавески в соседнем доме.

– Шалом! – а далее было что-то на иврите. Я хорошо понимала язык, но плохо говорила. Пришлось объясняться по-английски.

– Шалом! У кого я могу купить этот дом?

Удивление на лице пожилой дамы, смешанное с трудностями языка.

– Купить? Но здесь ничего не продаётся. Вы понимаете меня? В нашем посёлке нет домов на продажу! Последний дом продали лет семь назад.

Должно быть, это дорогое и очень престижное место, – подумала я. Конечно, дорогое, но дом мне продадут, а я его куплю, это так же ясно, как то, что этой даме не судьба поздравить меня с новосельем. Впрочем, ей много лет, что же. Я достала из сумочки свою визитку и написала на ней по-английски «Здравствуйте! Я куплю Ваш дом. С наилучшими пожеланиями. Инга Лисичкина».

Протянула визитку даме

– Передайте, пожалуйста, хозяевам, когда приедут! Я буду рада их звонку.

Дама взяла визитку, чтобы не спорить с сумасшедшей иностранкой.

Смешно! Как люди верят в то, что видят и слышат, как они живут, в их железобетонном мире. У них всё прочно и

неизменно. Особенно те пару десятков истин, что они насобирали за всю жизнь, и ещё десяток из тех, что показали по ТВ. Вот задуматься на секунду – ну ОТКУДА она могла знать, что этот дом не продаётся. Она что – видела хозяев, которые в эту самую минуту решали, где им взять денег на поддержание давшего течь бизнеса в Канаде? Бизнеса, который исправно вот уж как 25 лет кормил всё это обширное и уже обленившееся семейство. Нет, она видела только иностранку на прокатном смарте, высокую голубоглазую блондинку, которая могла бы затеряться в толпе в каком-нибудь скандинавском городе. А в здешних краях выглядела непристойно броской, непозволительно чужой этому древнему пейзажу. И опять глаза обманули даму. Ах, прав был старина Экзюпери «не обманет лишь то, что увидишь сердцем». Кстати, интересно, а сам он видел? Или это просто прозрение талантливое писателя.... А видящий знал бы, что я пришла ДОМОЙ. На то самое место, где триста с лишним лет назад я родилась, выросла и была выдана замуж.

Моё странное нахальство заинтересовало даму, а может быть ей было скучно, а может быть ей внушила доверие визитка приглашённого сотрудника Тель-Авивского университета, так или иначе, меня пригласили на веранду выпить чаю. С веранды я видела белые стены и тёмные деревянные окна моего будущего жилища, затенённые опущенными жалюзи. Я видела знакомый балкон, выложен-

ный плиткой всех возможных оттенков синего, белую балюстраду, лестницу к гаражу, спускающуюся мимо лимонных деревьев.

Я улыбнулась, представив, как я заставляю тебя закрыть глаза, приведу за руку на этот балкон, разверну лицом к старому городу. Будет вечер, и солнце спрячется за древние стены, даря прощальные лучи, играя светом с куполом Храма, вырезая тени как на театральной декорации. Ты откроешь глаза и не сможешь сдержать возглас изумления, потому что ничего прекраснее для нас с тобою нет на свете.

Я вдруг почти усомнилась, а вдруг и впрямь не продадут. Ну как продать ЭТО – какими деньгами измерить?

Но нет, люди – всего лишь люди, у них свой мир и свои страсти. Всё будет так, как должно быть.

17.07.2014

«Лететь на самолёте и думать о пилоте,» – в голове крутилась фраза из популярной песенки. Не так, чтобы я любила попу, просто имею свойство запоминать любые стихотворные строки. Наверное, это следствие романтического увлечения стихами в юности.

Я улыбнулась, почему-то последние дни воспоминания прилетали одно за другим, отрывками разных событий из далёкого далека. «Странное, жаркое, милое лето», – подумала я, взглянув на розовеющие в рассветном мареве облака. Дым от лесных пожаров долетал до Москвы, и мы привыкли к кровавым закатам и странным рассветам, к бесконечной жаре и дымным туманам.

«Может быть, вовсе не распаковывать этот чемодан», – думала я, допивая свою чашку кофе в ожидании такси в Шереметьево.

Я по профессии химик токсиколог и работаю в одной крупной некоммерческой организации. И чемодан я собрала, чтобы отправиться на конференцию в далёкий Куало-Лумпур. Столь необычное место проведения рядовой конференции объяснялось сочетанием двух факторов: желанием брюссельского руководства попутешествовать в экзотические места за счёт денег европейского бюджета и одновременно проявить уважение к развивающимся странам. И

это даже не было в полном смысле слова лицемерием, так, бледная тень того реального лицемерия, с которым я успела познакомиться в офисных коридорах прекрасного бельгийского города Брюсселя.

Моя жизнь в последние годы состояла из отлётов и прилётов, с промежутками московской беготни в стремлении закончить не кончающиеся дела. Но я бы обманывала себя, если бы стала жаловаться на свою жизнь. Мне всё в ней нравилась, и время, и место, в котором я живу, и моя семья, и моя работа и это лето....

А моё московское лето 2014 года состояло из переездов между городом и загородным домом, в котором мы жили, спасаясь от жары. И даже жара нам нравилась, особенно бесконечные купания в Москве реке, из которой выбирались только чтобы пожарить мясо и прикончить очередной арбуз.

Мы купались в реке чуть выше по течению от Звенигорода, напротив Савво-Сторожевского монастыря. В этих местах Москва река ещё мелкая и быстрая, русло с излучинами, мелями, песчаными отмелями и обрывистыми берегами. Чтобы ощутить прохладу купания этим летом, надо было проплыть подольше, так как вода достигла уже черноморской температуры.

Как-то так случалось, что всегда собиралась большая компания купающихся: я с моей любимой сестрой, точнее моей кузиной Татьяной, оба наших мужа, друзья, сыновья, девушки сыновей, друзья друзей.... И вся эта толпа по тёплой

пыли дорог, по высушенной жарой траве, мимо блёкло-синих цветов цикория радостно топала до привычного места начала заплыва. Мы плюхались в желанную прохладу воды, с брызгами, смехом, радостью людей, достигших цели. Я ложилась на спину в воде и глядела в чистое небо, меня несла на себе река, и было лишь одно желание – сохранить всё это, закрыть, спрятать, защититить....

А потом, накупавшись, все вместе мы поднимались по крутому берегу реки, и ещё выше – по обрыву к соснам. И вот здесь я всегда останавливалась, чтобы услышать колокольный звон, взглянуть на монастырские стены, на замершие в мареве леса. И застывала от этой хрупкой красоты, чувствовала её до боли, до мурашек, до слёз.

А ранним утром, когда мчалась по сонным ещё дорогам в Москву, я слышала запах цветущего донника вдоль дорог, видела нежную прозрачность берёз, тайну ельника, и даже облака над городом мне хотелось погладить с нежностью.... Нет, здесь ни при чём моя сентиментальность. Я никогда не была сентиментальной. Здесь – другое. Просто ЭТО было ТАКОЕ лето.

Я выглянула в окно и увидела подъехавшее к подъезду такси. Что же, мне пора....

И этот длинный день, так рутинно начавшийся для меня с чашки кофе на моей московской кухне, продолжился на авиарейсе Москва – Зальцбург. Ничто не предвещало форс-мажора, мы вылетели и приземлились по расписанию,

и аэропорт Зальцбурга встретил меня как обычно, утренней суетой в гулких коридорах, миганием табло прилёта-вылета, изобилием азиатских путешественников с вкраплением свежевыбритых европейцев, катящих свои чемоданчики по служебным надобностям.

Я нашла мой рейс на табло вылетов, вот он: МН17 Малазийских авиалиний. Посочувствовав заблудившимся русскоязычным туристам, я показала, куда им бежать на посадку, и пошла по направлению к стойкам регистрации. До вылета оставалось час пятнадцать, регистрация подходила к концу. Двигаясь через зал, я поискала глазами кого-нибудь из своих коллег, но не нашла.

«Наверное, все уже сдали багаж и прошли на посадку,» – подумала я.

У стойки бизнес-класса никого не было, а возле эконом-класса я увидела компанию, состоящую из двух молодых женщин и одного мужчины. Дамы громко смеялись и крутили головами. Не столько по акценту, сколько по характерной внешности и поведению, я определила: «Скорее всего, голландки». Мужчина – высокого роста, со спортивной фигурой, и выправкой если не военного, то очень тренированного человека. У него на плече висела довольно объёмная сумка, не доставлявшая ему неудобств, а в руках он держал средних размеров кожаный портфель. Когда он поставил громадные чемоданы дам на ленту регистрации, я увидела часть его лица, и поняла, кого он мне так отчаянно на-

поминает.

Этот господин был очень похож на моего первого и горячо любимого когда-то мужа, Михаила Орлова, которого я сначала отчаянно ждала, а потом также отчаянно оплакивала. Миша ушёл «выполнять интернациональный долг» в Афганистан, и через два месяца я получила извещение, что он «пропал без вести», а ещё через полгода, в декабре, что он «погиб при исполнении интернационального долга». С тех пор прошло много лет, я вышла замуж во второй раз, родила и вырастила двух прекрасных сыновей, младшему из которых было уже 18 лет. Поэтому неожиданное воспоминание удивило меня.

Разумеется, лететь в Куала-Лумпур из Москвы через Зальцбург вряд ли придёт кому-то в голову без повода, но я решила путешествовать именно по такому странному маршруту. Причина проста, я решила сэкономить, истратив свои бонусные мили Австрийских авиалиний.

Лет пять назад я даже не задумалась бы о цене на билет, так как летела в командировку на конференцию, и всё оплатили бы организаторы. Но в последнее время денег у всех моих коллег становилось всё меньше, на орграсходах экономили даже богатые фонды. Я работаю в одной очень известной и уважаемой международной некоммерческой организации, которая сотрудничает с большинством лучших университетов мира. Но и у нас появилась необходимость сокращать расходы. Так что первую часть перелёта в центр Ев-

ропы я совершила за свой счёт, а теперь шла на посадку на рейс Зальцбург – Куала-Лумпур, оплаченный организаторами конференции.

Я привезла свой чемодан на колёсиках, чувствуя лёгкую неловкость из-за его размеров. Увы, чемодан был ...не маленький, просто большой был чемодан, что уж. Хотелось взять не только дежурный костюм для доклада и пару платьев для приветственного ужина в начале, так называемого «Get together», и традиционного прощального банкета, но и что-то пляжное, и что-то весёлое для баров, и что-то для шоппинга, и что-то просто так, для души. Нет, я не собиралась соблазнять мужчин и заводить романы, хотя во время таких собраний это было почти что принято. Не верьте сказкам о высокоморальных западных стандартах, ерунда всё это. Европейские светила, сбежав от своих, как правило, непривлекательных жён, обычно просто из кожи вон лезли, чтобы пробраться в мой номер. И как-то не останавливали их воспоминания о прослушанных воскресных службах, увы. Но всех их ждал полный афронт в моём случае. Я была замужем, правда, я была замужем уже двадцать один год, но ни моя душа, ни моё тело не хотели связей без любви. Любовь по–прежнему для меня была единственной причиной близости с мужчиной, кроме брака, разумеется.... Я улыбнулась своим мыслям. Нет, я не считала, что я что-то упускаю в жизни, просто у меня с юности были причины относиться к себе очень серьёзно. А в последние месяцы к тому же появи-

лось ощущение надвигающейся грозы, как будто за горным хребтом собирались тучи, в них копились стрелы молний и спекались льдинки града, и всё это предназначалось мне. И, в то же время, я чувствовала лучи солнца, которые, казалось, должны вот-вот вместе с надвигающейся грозой ворваться в мою судьбу. Как назвать всё это я не знала, и просто ждала.

А тем временем, этот «спортсмен», так напомнивший мне моего первого мужа, водрузил на весы свою сумку, а потом пристроил сверху и портфель.

– Вы можете взять это в ручную кладь, – сказала ему девушка-регистратор.

Я подошла поближе, но две мощных голландки окружили спортивного господина с двух сторон. И моему взору он был доступен только со спины. Я видела развитую мускулатуру под чёрной тенниской, дорогие спортивные брюки облегали узкие бёдра, а загорелые руки приобнимали за массивные талии голландских дам. На голове красовалась жёлто-синяя бейсбольная кепка.

– Я абсолютно занят, – сказал он на чрезвычайно американском английском, и рассмеялся, демонстрируя обременённые дамами руки. Я просто впилась взглядом в его спину, непокрытую кепкой часть затылка, шею, уши.... Он повернулся влево, забирая три посадочных талона, игриво поблагодарил девушку и удалился, так и не повернувшись ко мне хотя бы в пол оборота. Я старалась успокоить удары сердца, вдох-выдох, вдох-выдох. Никогда за все годы, прошедшие с

момента нашего с Мишей расставания, я не видела никого столь же похожего на него.

– Ваш паспорт? – спросила девушка у стойки.

Я сдала чемодан в багаж, получила посадочный талон и быстрым шагом направилась к выходу на посадку. Дойдя до ворот с нужным номером, я огляделась. Две голландские «курицы» тут как тут, сидели в креслах, ожидая приглашения на посадку. «Спортсмена» нигде не было видно. «Может, померещилось, – подумала я, – а он сейчас стоит здесь, среди ожидающих рейс, и просто снял свой кепарик.»

Не желая ни в чём убеждаться, я прошла к стойке небольшого кафе. Воспоминания о первом муже, о его семье, были болезненны для меня, и я постаралась переключиться. Заказав кофе «американо» и пятьдесят грамм Арманьяка, и посмотрела в окно, ожидая увидеть Боинг малазийских авиалиний и трубу, по которой мы все попадём на его борт. Означенный Боинг я увидела, но на лётном поле и в значительном удалении. «Стронно, а почему не в рукав, – подумала я, – Выход свободен, не час-пик...» Я часто улетала из Зальцбурга, и ни разу нас не возили к самолёту на автобусе. «Всё сегодня как-то не так,» – отметила я.

И решила выпить по этому случаю коньяк. Проглотив одним глотком свои пятьдесят грамм, я ощутила тепло, пробежавшее по телу. «Всё будет хорошо, – подумалось мне, – Что было, то прошло». Я протянула руку к чашке кофе, собираясь высыпать в неё длинный пакетик коричневого сахара.

Рядом с чашкой находился загорелый мускулистый бицепс, отороченный чёрной тенниской, а локоть упирался в кофейную стойку. Я подняла глаза, мой бывший муж, или «человек, очень-очень похожий» на него, стоял слева от меня, правда кепка на голове уступила место непроницаемым тёмным очкам. Он пододвинул мне мой кофе, улыбнулся, и сказал с тем же невнятным произношением жителя Техаса:

– Холодный кофе отвратителен, не правда ли? Сейчас объявят посадку, так что глотайте так же, как Ваш коньяк.

Я послушалась, как в забытии, и поставила чашку на столик.

Миша, а это был определённо он, незаметно сжал мой мизинец. Это был наш условный знак двадцатипятилетней давности. Но я его помнила, конечно же, кто же забудет свою юность! Я должна была ему подыграть в розыгрыше, не «ломать картинку».

Рефлексы юности тоже незабываемы, и я ответила ему по-английски:

– И давно Вы из Техаса? – Я просто не знала, что сказать.

– Я уехал оттуда как раз вовремя, чтобы найти Вас здесь! Поездка обещала быть скучной, если бы не эта встреча. – Он говорил естественно и раскованно, но я помнила о знаке и нелепость ситуации напоминала нелепый сон, в котором я застряла.

Вдруг с другого конца зальчика, в котором мы все томились, меня окликнули:

– Инга, это Вы? Как приятно видеть Вас снова! – мой коллега профессор Кетруб из университета в Мюнхене, приближался к нашему столику.

Миша склонился ко мне почти интимно, и сказал так, чтобы Кетруб слышал:

– Столь красивой женщине утомительно путешествовать одной!

Профессор смутился, приняв это замечание, и не без оснований, на свой счёт. Как вежливый человек, он не мог не извиниться:

– О, простите, что отвлекаю, Инга! Мы сможем пообщаться позже!

Кетруб удалился в направлении посадки, которая уже началась, стюардессы стали проверять посадочные талоны.

Миша стоял рядом со мной, всё ещё не выходя из роли:

– Ума не приложу, зачем Вам одной в Куала-Лумпур? И кто этот господин? Да вы загадочная дама, Инга!

– А Вас как зовут? – спросила я.

– У меня банальное американское имя, я – Кевин.

– Знала я и более банальные имена, – хмыкнула я.

Я всё-таки не была уверена, что передо мной именно Михаил, и эти тёмные очки, и волосы с проседью и чужой язык как-то не давали освоиться. К тому же начинала кружиться голова.

Когда все пассажиры прошли через контроль, стюардесса обратилась к нам:

– Пожалуйста, проходите, посадка заканчивается.

Мы двинулись к выходу, Миша взял меня по руку.

– У меня кружится голова, – сказала я ему.

– Кофе плюс коньяк минус обед, – улыбнулся он. – Сейчас поспите в самолёте и всё пройдёт.

Он отдал талоны, получил отрывные корешки от служащей, и мы стали спускаться по лестнице к автобусам. Мои ноги подгибались.

– Сейчас Вы умоетесь, и будет легче, – сказал мне он, и уже почти внёс меня в женский туалет, расположенный прямо перед дверью выхода на лётное поле, на котором нас ждал автобус.

Внутри никого не было, все пассажиры, видимо, уже вошли внутрь автобуса. По-моему, я отключилась на несколько минут и очнулась лишь от боли, с которой Миша (или человек, слишком похожий на него))), сжимал мой несчастный мизинец.

– Зря старается, – подумала я.

Мой язык онемел и мысли в голове тоже еле шевелились.

– Вы в порядке, мэм? Слишком крепкий кофе? Я вызвал медицинскую помощь, они сейчас подъедут. Всё будет хорошо, мэм!

Мой покойный супруг, или его техасское «альтер эго», улыбался мне дебильной американской улыбкой, оскалив все зубы до дёсен. Всё что я могла – это моргнуть, странно, что при этом я неплохо держалась на ногах, не было никаких

болезненных ощущений и даже мой верный страж, амулет с Руническими символами, тёплой ладошкой лежал на моей груди. Страх тоже совсем не было, только жгучее любопытство...

Мы вышли из туалета, юркнули в небольшую нишу, и, открыв дверь с надписью «только для персонала», прошли метров 10 по коридору, который кончался ещё одной такой же дверью. По дороге мы не встретили ни души, и мой спутник ловко открывал все замки с помощью какой-то карточки. За последней дверью оказался выход на край взлётного поля, немного справа начиналась асфальтовая дорожка, на небольшом расширении которой стояла медицинская машина, не большой фургон, а маленький белый седан с красными крестами. Я уже ничему не могла удивляться, когда мой спутник сел за руль, натянул на себя оказавшийся на переднем сиденье белый халат, а мне на лицо – кислородную маску. К сожалению, кислорода в ней не было, но дышалось довольно свободно. Миновав без затруднений все КПП с помощью появлявшихся как по волшебству разных карточек, мы выехали на обычное шоссе. В этот момент я поняла, что начинаю отключаться. Спать хотелось неудержимо, с меня сняли маску, и я услышала, как горячие губы шепнули прямо в мою ушную раковину:

– Спи, Лиса, спи...

18.07.2014

Разбудил меня солнечный свет, ворвавшийся в комнату из-за горной гряды. Снизу доносился невнятный шум то ли льющейся воды, то ли шипения масла на сковороде. Пахло ванилью и жареным беконом, обычный запах завтрака в горной гостинице. Я сунула нос в ванную комнату, нашла все удобства, и с удовольствием ими воспользовалась. Хотя голова ещё слегка кружилась, но в остальном я чувствовала себя совсем неплохо, и мой оберег был со мной....

А вот всего остального не было, ни документов, ни телефона, ни даже моей одежды. Что ж, я решила попробовать пойти на разведку в пижаме. Планировка дома была типична для небольших деревянных домов, которые называются в Европе «шале» и в изобилии рассыпаны по склонам, предгорьям и долинам Альп.

Я вышла на галерею, справа и слева от моей спальни были ещё две похожих на мою двери, а вниз спускалась деревянная лесенка, покрытая ковровой дорожкой. Внизу холл, гостиная и кухня объединялись в одно просторное помещение, визуальное разбитое на зоны уровнем пола и расположением мебели. За панорамным окном зелёные луга переходили в лес, а лес поднимался в горы и тоже уступал место каменистым грядам, уступам, осыпям, оканчивающимся величественными вершинами с трудноразличимыми пятнами

снега на самом верху. Маленькие кучевые облака перелетали с уступа на уступ, играли с лучами солнца в прятки между камней и синевой неба. Красота! Я очень люблю горы зимой, но летом они особенно трогательны в своём совершенстве....

Не далек от совершенства был и торс мужчины, который в майке и шортах колдовал над сервировкой завтрака. Он не мог не слышать моих шагов, да я и не старалась красться незаметно, однако он всё ещё стоял ко мне спиной.

Сомнений быть не могло, даже если бы он подделал это родимое пятно под коленкой, даже если бы на нём был хиджаб. Я уже не могла отрицать очевидное: мой первый муж, мой самый первый мужчина, мой друг, мой Бог и повелитель, моя самая большая радость, гордость и горе – вернулся в мою жизнь.

– Мишка, посмотри на меня, наконец! – жалобно попросила я, сама себе не веря.

Он повернулся и прямо взглянул мне в глаза. Что же, они не поблёкли, всё тот же васильковый цвет, и седина в волосах не слишком видна, и морщин почти нет.

– Ты слишком хорошо сохранился для покойника, парень! – сказала я.

Рассматривая его лицо, глаза, волосы, я прислушивалась к своим чувствам. Какая-то струна натянулась и лопнула с лёгким прощальным звоном. Навернулись на глаза слёзы прощания и обретения, и пропали. И я поняла, что я просто рада, что Миша жив, просто рада и это всё.

– Привет, мой Генерал!

Я подошла и поцеловала его в уголок рта, в мою любимую родинку, и Мишка зажмурился так щемяще-знакомо...

– Привет, Лисёнок!

В носу защипало, но я сдержалась. Это были наши прозвища, так мы называли друг друга в юности, и наши друзья нас звали также.

Нас было четверо. Михаил Орлов, впоследствии мой первый муж, его двое друзей, Вадим Стельмах и Степан Ломов, ну и я, Инга Лисичкина. Меня с детского сада все звали Лиса, за рыжеватый цвет волос и фамилию. А Мишку ребята прозвали Генералом отчасти за командирские повадки, отчасти за прирождённое лидерство, а немного потому, что его отец, Николай Сергеевич Орлов, мой сначала горячо ненавидимый, а потом (и до сих пор) горячо любимый тесть, действительно имел звание генерал-майора. Все трое рябят учились вместе в одном вузе, да не где-нибудь, а в самом МФТИ, все трое были каждый по-своему блестящими юношами. Думаю, что Стёпа, или Степашка, как я иногда его звала, был самым спокойным и самым скрупулёзным, самым прилежным в учёбе и в науке, а может и просто самым лучшим по науке среди них троих. Вадик – рискованный непоседа, бродяга и разбойник, его бы давно выгнали из института за его проделки, если бы не Мишкин отец. Здесь особая статья, отец Вадика, тоже военный, служил вместе и под началом Николая Сергеевича, и погиб где-то за кордоном, выполняя,

как тогда писали «свой интернациональный долг». Мишины родители заботились о Вадиме, почти так же, как о своём сыне. Николай Сергеевич подолгу служил за границей, Мишина мама всегда уезжала с ним, и ребята оставались вдвоём на попечении мамы Вадика.... Так и жили, родители всегда все вещи для них привозили в двух экземплярах: Мише на размер больше, а Вадьке на размер меньше....

Я познакомилась с Мишей, а точнее, он со мной, когда я была на первом курсе. Я училась на химическом факультете МГУ им. Ломоносова, а Миша приехал в Универ по смешному поводу – пригласить девочек на дискотеку в МФТИ или в Физтех, это уж кому как нравится. В то время девочек в этом вузе почти не было. Не так чтобы это волновало конкретно Мишу, но общественное поручение от комитета комсомола должно было быть у каждого. И мой будущий друг, согласитесь, выбрал для себя не самое занудное. Стоял он так у входа в Главное Здание МГУ и приглянувшимся барышням раздавал приглашения на дискотеку. Дело двигалось бойко, оставалось каких-то десять штук, когда Миша увидел меня и вручил мне бумажку с пригласительным билетом. Я взяла в руки приглашение и спросила:

– Это на два лица?

– Нет, на одно, но вы можете пригласить ещё трёх хорошеньких подруг, – с энтузиазмом включился Мишка, – только точно хорошеньких... Я доверяю Вашему вкусу!

И ослепительно улыбнулся. Что ж, красивый парень, и

Физтех не плох. Только я никогда не ходила на танцы одна, без спутника, и мне это казалось решительно дурным тоном....

В общем, я отказалась идти одна, и с тех пор Миша стал моим спутником, другом, а потом и любовником, конечно же. А его друзья – моими друзьями, и наши жизни переплелись на годы вперёд. Мы были молоды, неразлучны и бесшабашно счастливы....

Хотя мои друзья были постарше, чем я, всего-то на два года, они казались мне и взрослее, и умнее, и вообще как-то важнее меня. Я не слишком понимала, чем заслужила это счастье, быть любимой ТАКИМ молодым человеком и иметь ТАКИХ замечательных друзей.

Девочки мне отчаянно завидовали, мальчики на курсе, пару раз увидев такую «свиту», подвозившую меня ко входу на факультет на МАШИНЕ (на пятой модели Жигулей, купленной вскладчину и починенной в шесть рук на Мишиной даче), даже не смели и подходить. А я смотрела на себя в зеркало недоверчиво, выискивая признаки неземной красоты. Красота имела место, разумеется, но дело было не в том.... На каждого выдуман каждый, просто так случилось, что мы стали друзьями, друзьями на всю оставшуюся жизнь....

И вот сейчас мы стояли с Мишкой друг возле друга, ветер юности носился в моей голове, затихая понемногу, отступали воспоминания и приходили вопросы. Вопросы, вопросы и сожаления – всё, что мне оставалось в те годы, когда я ещё

ждала его, и потом, когда уже не ждала. С того года, когда Миша отбыл в Афганистан, прошло много лет.

«Всё это совершенно невероятно, — думала я, — это какой-то бред, в самом деле! Как в плохом романе.»

Но невероятность эта стояла передо мной и разглядывала меня с неподдельным интересом. А мне было чем гордиться. Для круга моих ровесников, и не только, я выглядела отчаянно хорошо, просто отлично я выглядела, а кроме того... кроме того у меня была моя тайна, со мною мой мир, и я с ним в мире....

Конечно, невероятные события начинались вокруг меня, но не были они для меня по-настоящему неожиданными. Я ждала чего-то последние годы, я растила в себе уверенность и силу, и это спасало моё тело от старости, а душу от усталости жизни. Глядя в его глаза, я старалась проникнуть за синеву, пробраться сквозь завесу тайны в душу, я мысленно спрашивала: «Кто ты сейчас?», но не чувствовала ответа.

— Лисичка стала Лисой. Ты красавица, и ты знаешь это. Никогда бы не подумал, что ты станешь такой, — Мишка поворачивал меня, как манекен, разглядывая с ног до головы.

— Ты ещё вверх ногами поверни, — пыталась пошутить я.

— Нет, мне изнутри интереснее, — ответил он, — давай завтракать. У нас есть время, разберёмся, что там снаружи, а что внутри.

«Ладно, — подумала я, — подкрепиться не помешает». Что-то мне подсказывало, что в этой новой жизни надо пользо-

ваться любой возможностью поесть и поспать впрок, а всё остальное само узнается, уже не отвертишься.

Пока я жевала бекон с яичницей, мазала хлеб маслом, запивая всё это чёрным крепким кофе, Мишка смотрел на меня с лёгким удивлением, а сам тем временем проглотил совсем немного кофе с миниатюрным бутербродом.

– Ну и аппетит у тебя! Как только помещается! Ты и впрямь ничуть не изменилась.

После завтрака я чувствовала себя отлично, и холодок амулета превратился в ровное тепло, которое успокаивало, грело, защищало....

Я осмелела и пошла в атаку:

– А теперь рассказывай, что это всё значит. Давай, Генерал, по порядку, где был, куда делся. И где мои вещи и документы, телефон, паспорт, костюм...и бельё, наконец!?

– Ожила на мою голову! – рассмеялся Мишка. Вполне натурально так рассмеялся, дружески и открыто.

– Знаешь, про мои похождения давай потом, в процессе, так сказать. Это долго, давай не набегу. А твои вещи в шкафу, извини, что я тебя переодел без спроса. Надеюсь, простишь по старой памяти... А паспорт вот он, на столе в гостиной, и телефон там же, правда разряжен, кажется.

Я встала, действительно, мой паспорт и телефон мирно лежали на столе.

– Слушай, я должна позвонить, сказать нашим, что задержалась, что прилечу позже. Меня Кетруб видел в аэропорту.

– Ну и что, какая разница, Лиса!

Мишка подошёл ко мне, поднял со стула и крепко прижал к себе.

И только в этот момент я вспомнила его, нас с ним настоящего. Память тела – особая память. Она хранит все оттенки ощущений, всю неповторимую ауру человека, его тепло и прохладу, шероховатости, мягкость и шелковистую твёрдость....

Трудно спорить с памятью тела, и я сдалась.

Потом я лежала на полу гостиной и слушала тишину. Было оглушительно тихо вокруг.

– Слушай, а что творится в мире? Может, включим ТВ? – спросила я, выйдя из душа.

Завернувшись в пушистые халаты, мы устроились на диване. Солнце висело в зените на верхушке горы, норовя сорваться вниз, в долину.

– Я не держу телевизора в доме, зачем? Лучше скажи, что ты хочешь сейчас, – Мишка прижал меня к себе покрепче.

– Знаешь, я и вправду хочу знать, что стряслось с тобой за это время, а ещё очень любопытно, что стряслось со мной. И как вообще я здесь очутилась. И как ты меня нашёл, если это не случайность, конечно!

– Инга, про меня долгий сказ.... А с тобой я случайно встретился, это так, хотя самому странно! Я много раз представлял, как и где я тебя могу встретить. И аэропорт всегда был на первом месте, факт. И я бы разыскал тебя потом, обя-

зательно и совсем скоро. Но не вчера, на вчерашнюю встречу я не рассчитывал, – он улыбнулся, скорее скривился, и что-то новое, печаль, страх... нет, скорее, растерянность, мелькнула в его глазах.

– Но мы встретились, и славно, правда? – спросил он. И, не встретив горячего подтверждения, продолжил:

– А для тебя это, наверное, было слишком сильным испытанием, Лисёнок. Вот тебе и поплохело. Рейс наш улетел, и ладно, не беда. Я тебя привёз в свой дом, от аэропорта езды минут сорок, я купил его совсем недавно. Здесь неплохо, правда? А зимой вообще классно, лифт рядом, тебе понравится, увидишь!

– Здорово. Слушай, а всё это, – я развела руками, обозначив маску на лице, стараясь вложить в этот жест своё недоумения от нашего медицинского перемещения.

– Это, – засмеялся Мишка, подражая моему жесту, – чтобы никто к нам не привязался с вопросами, служба безопасности полётов, погранцы. Мы же зарегистрировались и сдали багаж, даже прошли таможеню. Ты была не в лучшей форме для общения с ними всеми, а я имею возможности преодоления неприятностей этого рода. Может, закончишь допрос и перейдёшь к пожеланиям?

Я пожала плечами, не слишком понимая, что я должна пожелать. «Поплохело мне.... Да, как же, верю-верю всякому зверю! Мне от кофе не плохеет, может он клофелину мне подсыпал? Ха-ха, да, а потом выкрал и изнасиловал. Смеш-

но, — думала я, — ладно, это потом. В конце концов, может быть, у него были свои резоны не светиться со мной вместе».

— Что делать будем, Лисёнок? Что ты хочешь? Надеюсь, мы сможем провести здесь пару дней, а там поглядим. Ты как? — Мишка просительно заглядывал мне в глаза.

Солнечные лучи совсем запрудили долину, снег блестел на вершинах, за окнами было ослепительно хорошо...

— Давай прогуляемся немного, — попросила я.

— Вот все твои желания, прогуляться и только. Обидно даже! Давай так, помнишь нашу мечту: на самолёте вокруг Килиманджаро!?

Я помнила, конечно. Мы тогда зачитывались Фицджеральдом, Ремарком и Хемингуэем, мы были романтиками, а «Снега Килиманджаро» манили....

— Мишка, ты вспоминаешь наш детский бред! — улыбнулась я, — Вот уж не ожидала от тебя! Ты всегда был самым прагматичным среди нас.

— От одиночества и прагматик станет романтиком по отношению к прошлому, Лисёнок! Давай я прокачу тебя на самолёте вокруг этой горушки, смотри, это будет красиво! — он махнул рукой в сторону окна.

— А ты можешь, у тебя что, и самолёт есть? — просила я без особого удивления, подустала уже удивляться.

— Самолёт возьмём на прокат, а управлять я умею всем, кроме метлы. Метла — твой профиль! Одевайся!

За неимением другой одежды, я натянула свой помятый

костюм, туфли на каблуках...

– Да, экипировка у тебя! – оглядел меня Мишка, – Ладно, там у них есть спортивный магазинчик, маленький правда, но что-нибудь найдём.

Мы вышли из дома, солнце слепило глаза, пахло скошенной травой, душистым горошком и чуть-чуть конским навозом – обычный горный воздух, в общем. Ощущение нереальности происходящего, какой-то разматывающейся киноленты, виток за витком вовлекающей меня в ткань событий вопреки не только моей воле, но и общей логике моей жизни, всё больше заполняло моё внутреннее пространство. Поэтому даже не хотелось спрашивать, а только плыть по течению к назначенной мне когда-то цели....

Во дворе стоял на приколе мотоцикл.

– Узнаёшь, – улыбнулся Мишка, – я не предал свой любимый вид транспорта.

Я подошла к железному коню, сняла с сиденья шлем, покрутила в руках.

– Что же ты, одевай! Забыла?

– Сейчас вспомню.

Я не каталась на мотоцикле все прошедшие с Мишиного исчезновения годы, и не скажу, чтобы жалела об этом!

По ассоциации вспомнила о старшем сыне, Бориска любил свой «мотик», а мы всей семьёй всегда боялись за него. Я не видела сына всего 3 дня. Мне казалось, что прошло 3 месяца. Я не была уверена в скорой встрече.

И вот мы с Мишей мчимся по горной дороге на мотоцикле, мелькают ёлки, пахнет нагретой хвоей. Промелькнул маленький водопад, цветы на склонах, бубенчики коров. И серпантин, ниже и ниже в долину, наконец, вынес нас к огороженному полю. Несколько спортивных самолётов растопырили белые крылья. «Как гербарий из стрекоз», – подумала я.

– Пойдём со мной, оставь шлем, – Мишка снял меня с мотоцикла, и мы отправились внутрь небольшого ангара. Там он поздоровался с местными немчиками. Я отметила, что он никого из них лично не знает. Мне показалось это странным, если это его дом, и он любит летать. Но лишняя странность этого дня ничего не меняла, и я отправилась примерять лётную форму, которая состояла из серых брюк, похожих на обычные джинсы, но поплотнее, чёрной кожаной кепки и куртки-«косухи» с какими-то необычными карманами и бретелями. На мне всё застёгивалось и сидело очень хорошо. Брюки и куртка правильно подчёркивали все округлости, и местные парни уважительно поднимали вверх большие пальцы рук в интернациональном жесте одобрения.

– Самолёт будет готов через час – сказал, вернувшись из ангара, Миша, – а сейчас предлагаю пойти на ручей и попробовать порыбачить, всё равно за полтора часа мы больше ничего не успеем.

Я согласилась. Ручей был метра 3 в ширину, но довольно глубокий и быстрый. Он бежал прямо за полем, ныряя меж-

ду корней деревьев, камней и склонённых стволов. Мы присели на один из гостеприимных пней, Миша стал деловито раскрывать прихваченную в ангаре удочку.

— Мы с тобой заплатили за рыбалку, так что давай бросай! Будет нам обед из форели, ребята пожарят к нашему прилёту!

Он вдруг рассмеялся, как-то совсем по-юношески, и посмотрел на меня. Синь неба смешалось с синевой радужки, и мне показалось, что сейчас из-за сосен послышатся крики ребят.

— А помнишь корюшку? Всё бесплатно, и шаланду Гунтиса с парусами из старых занавесок, помнишь?

И я вдруг почувствовала запах жареной корюшки, увидела ребят у костра и старый дом моей бабушки за соснами, шум моря и крики чаек...

Видение плавало над ручьём перламутровой дымкой, а потом качнулось и улетело к вершинам гор.

Дело в том, что я, хотя и родилась в Москве от совершенно русской мамы, коренной москвички, но по папе я на половину латышка, и на вторую половину еврейка. Папина мама, моя любимая бабушка, урождённая Райская, вышла замуж по сумасшедшей любви за моего деда, латыша, красавца и известного инженера. После смерти деда моя бабушка так и осталась жить в их большом каменном доме «досоветской» постройки на Видзенском взморье, части побережья Балтийского моря, принадлежащей в то время Латвийской

СССР, а после распада СССР Латвийскому государству. В этот дом я и приезжала каждое лето всё своё детство и юность, сначала с родителями, потом одна, позже с друзьями, ну а потом с супругом и детьми, когда уже не стало моей любимой бабушки.

Миша вспомнил про «шаланду Гунтиса», а шаланда эта, то есть довольно старая самодельная лодка с парусом, была верной спутницей наших юношеских плаваний по Балтийскому морю. Эта лодка принадлежала моему соседу, белобрысому латышскому парню по имени Гунтис. Мы на ней рыбачили, добирались до островов, просто болтались вместе в море....

Наши места замечательны не только потрясающей дикой красотой, так не похожей на соседнюю Юрмалу. Тогда, во времена моего детства и юности, на нашем побережье всё ещё сохранялась особая атмосфера. Как будто проходили мимо и война, и революция, и даже советская власть как-то не сильно отразилась на жизни в нашем посёлке. А северные предания, Рунические символы, обрядовая «домашняя» магия были частью жизни людей. У нас никого не удивляли Альгизы (защитная Руна) на заборе, свастики при входе в дома и так далее. Моя бабушка, оставшись иудейкой, не знала ни Рун, ни обрядов, да и мои ровесники не очень этим интересовались. Но однажды, роясь на чердаке в старых вещах, я нашла Руны, а может быть, это Руны нашли меня. Из чёрного кожаного мешочка высыпались ко мне в руки ста-

рые камни снежного обсидиана с Руническим алфавитом. Думаю, что они принадлежали кому-то из Рода моего деда, скорее, женщине, так как мешочек из кожи был расшит золотыми нитями, составлявшими какой-то Рунескрипт (комбинацию Рун). Кажется, моя бабушка не была довольна моей находкой. Мне было тогда всего лишь двенадцать лет, однако этот набор со мною до сих пор, и я знаю, что попал он ко мне не случайно. С того момента и по сей день он стал моим спутником, также, как и охранный фамильный Рунескрипт. Так вместе с Рунами, пришла в мою жизнь магия, поселилась в ней, подарила Тайну и смысл....

Но вернёмся, однако, в реальность настоящего момента!

Мы с Мишей так и стояли возле ручья. Я вопросительно разглядывала моего вновь обретённого друга. А он деловито разматывал удочки. Неужели и вправду собирался ловить рыбу!?

– Мишка, может вместо рыбалки, или вместе с рыбалкой ты всё же скажешь мне два слова про себя? Или хотя бы спросишь про своих? Это ни на что не похоже, я вот доверчиво сплю в твоём доме ... и не только, – я подошла к нему и заглянула в глаза снизу-вверх, а удилище отобрала и положила на землю. – И даже не знаю кто ты сейчас, и почему всё случилось... да и что же случилось!? Ты представляешь, что было с нами, ладно я, но твои родители.... Да, а звать-то тебя как, я слышала, ты назвался Кевином... Это – что?

Он взял меня за правую руку, перевернул мою ладонь, по-

гладил тонкий шрам, ведущий от линии жизни в центре ладони вертикально вниз, к запястью.

– А свой покажи, – попросила я.

– Вот, – Миша перевернул правую ладонь, белая нитка шрама была видна совершенно отчётливо, точно так же спрямляла линию жизни.

– Старая ведьма жива ещё? – спросил он.

– Расма умерла восемь лет назад, – подсчитала я.

– А мы всё-таки встретились, – грустно улыбнулся он.

Расмой звали нашу местную колдунью, травницу и чернокнижницу, она жила на хуторе в небольшом удалении от нашего посёлка и пользовалась загадочной славой. Бабушка терпеть не могла, когда я к ней бегала. Но я дружила с её дочкой Ольгой, а травы, Руны, тайные книги Расмы манили меня как магнитом. Ольга же была совершенно равнодушна ко всему этому, и даже стеснялась матери. Жили они очень бедно. Тот, кому помогала Расма, конечно, платил ей, чем мог, но она была странная и вообще не любила никого принимать. Только продавала травяные сборы от разных болезней, а когда совсем прижимало, брала пару заказов на привороты-отвороты, поправку финансов и т. д. А так работала на почте, держала корову и кур, и колдовала в свободное время со своими любимыми Рунами, собирала травы. Она и стала моим первым и единственным Учителем в мире Рун. Когда невозможно похорошевшая к восемнадцати годам Ольга сбежала с приезжим немцем в ФРГ, Расма осталась совсем

одна.

После отъезда Ольги я начала учиться у Расмы всерьёз. Я проводила на взморье всё лето, и успевала узнать и увидеть многое. За зиму я осваивала полученные знания, и они становились по-настоящему моими. После замужества я стала приезжать в посёлок уже вместе с детьми, привозя из Москвы сначала одного Бориску, а потом уже и обоих, Бориса и Глеба, моих прекрасных сыновей. Мальчишки резвились на природе, купались в море, дружили с местной детворой, а я училась, училась и понимала, и Руны стали частью меня, моим инструментом для общения с Миром. Потом я прошла посвящение.... Потом умерла моя Учительница и я стала тем, кем должна была стать, оставшись собой, я получила ещё одну себя в придачу.

А про шрам.... Когда я впервые привела Мишу к Расме, уже перед решённой свадьбой, она взяла наши руки, посмотрела на узор правых ладоней и покачала головой.

– Не судьба, ваши пути расходятся. Не нужно свадьбы, – буднично сказала она.

Я расстроилась, мы побрели вдоль берега, Мишка пытался со мной шутить, но я никак не могла выбросить слова учительницы из головы. И вот тогда-то Мишка и решил: «Зажмурься, я сейчас всё исправлю!»

Я со своим бесконечным доверием к нему, веря и не веря, закрыла глаза.... И закричала от боли, когда он прочертил остриём карманного ножа линию на моей ладони, а потом на

своей. «Вот так надёжнее!» – заявил он.

Странно, но я успокоилась.

А потом была свадьба, и меньше чем через год он ушёл на войну в Афган, а всего через два месяца мне сказал его отец, что Миша «пропал без вести» и показал бумагу, где это было написано. Я ждала и надеялась, но через шесть месяцев пришла другая бумага, где было написано «погиб при исполнении интернационального долга». Я погоревала около года, а потом вышла замуж, родила мальчишек – погодок, и воспитывала их, и любила мужа, и была довольна своей судьбой.

Я прямо посмотрела в лицо моему спутнику:

– Твоя таинственность становится подозрительной! Выкладывай, ты что ли шпион? – я старалась сказать сразу худшее...

– Ну да, можно и так сказать, только бывший. Видишь ли, Лисёнок, так сложилось. – Он очертил удилищем круг в воздухе.

– Сложилось! Ты хотя бы знаешь, как всё... сложилось с твоими родителями? – я не собиралась его щадить. – Они ждали тебя, Николай Сергеевич получил отставку после того как ты «пропал без вести», а инфаркт, когда мы получили похоронку. А твоя мама не пережила его и на год! Ведь всё поменялась, даже если ты шпионил не на тех, то после памятного путча и потом.... Неужели нельзя было просто сказать, что ты – живой?!

– Наверно, можно было бы, если бы я переквалифициро-

вался в управдомы! – пожал плечами Миша. – А когда сдали всю сеть, спалили структуру и никому на фиг ничего не было надо, все спасались, как могли... ну, кто не хотел в управдомы.

«Да, совесть его явно не мучила,» – подумала я.

– То есть ты стал шпионить на ... пиндосов? – скривилась я.

– Ничего себе, – он удивлённо поднял брови – раньше ты была к ним более лояльна! Тебя мой отец перевоспитал?

– Твой отец мне дал очень много, Миша. Я любила его. Но со временем просто больше становиться вводных, если говорить словами Николая Сергеевича, я изменилась и мир изменился.

– Ну, насчёт мира не знаю, а ты изменилась в лучшую сторону. Не ко времени ссора, Лиса! Мы вместе, у меня есть деньги, и теперь я никому ничего не должен. – Миша обнял меня. Журчал ручей, птицы перепархивали с ветки на ветку, небо синело в прорехах еловых веток. Всё было хорошо, и спокойно. Но...не нравились мне эти речи.

– Есть деньги, говоришь? А ты знаешь, что Николай Сергеевич уже после развала всего умудрился заработать очень много, и Вадик с ним. Ты в курсе? – спросила я.

– Нет, – Мишка вскинул голову. – Мой отец...и заработать деньги?! Он что, на рынке торговал? Мне и в голову не пришло. Что Вадик владеет большой IT компанией, я читал, в инете полно всего про них. А отец...Ты удивила меня, Лиса.

– А я тебя ещё раз удивлю. Бизнес Вадима – ерунда по сравнению с деньгами твоего отца.

Я смотрела внимательно на его реакцию. Мишка подобрался, не веря своим ушам.

– И...где же они все, деньги эти... в смысле, в чём?

– Ты хотел спросить у кого? – улыбнулась я.

– Ну и это тоже, у кого и в чём, если не секрет, конечно? – кивнул он.

– Ну что ты, какие у меня секреты! Я общественный деятель, моё дело – раскрывать секреты, – я держала паузу.

«Ух ты, а тема-то какая горячая! – думала я, глядя на него, – воистину жизнь в капиталистических джунглях меняет человека».

– Ладно, парень, не моргай мелко, будь достоин высокого звания пиндосского шпиона, – подначивала я, – комсомолка сохранила твои денежки! Деньги у меня, деньги в банке, Вадик сторожит и уговаривает истратить уж сколько лет. А я видишь, креплюсь... даже проценты и то не все трачу. Экономная я!

– Проценты, скажешь тоже! – он всё старался сохранять равновесие, – Какие там проценты!

– С двадцати-то миллионов баксов? – удивилась я.

Да, это был удар. Мишкино лицо как будто окаменело, он замер, и я почувствовала, как внутри него зашуршал оползень, камнепад. Я не могла понять почему, но он не был рад этим деньгам, и не был расстроен ...что их мало...или мно-

го. Это было НЕ ТО. Известие о деньгах просто смело его. Я по-прежнему не понимала в чём дело. Раньше он не только не был корыстным, или жадным, он просто никакого внимания не уделял этому. Ребята зарабатывали в стройотрядах, ещё деньги давали родители, иногда они искали подработки в Москве. Деньги всегда были, больше или меньше, и никакой особой смысловой нагрузки в них не было.

– Эй, ты чего? Ты же капиталист теперь, мы все, в общем...ты забыл? Ты чего бьёшься-то. Переведу я тебе денежки, трать на здоровье, не надо будет шпионить. Бросай ты это дело, парень! – я старалась проникнуть в причину его паники и, кажется, стала что-то нащупывать.

Но зазвонил Мишкин мобильник. Нас приглашали к вылету.

– Я просто не ожидал, Лиса...Мой отец, надо же. И СЕЙ-ЧАС, – Миша усмехнулся, – Что же, так тому и быть, деньги всегда хорошо.

С этой сентенцией я не стала спорить, и мы вернулись на поле. Нас встретили двое мужчин, один совсем молодой парень, который «оценил» недавно мой прикид, и второй постарше, которого я раньше не видела. Мише передали сумку, типа планшета, дали подписать пару бумаг, и подвели нас к беленькому самолётику...

Я хотела сказать Мише, что он хлипковат на вид, но мой спутник, кажется, не был расположен шутить. Мы забрались в кабину. Самолёт был совсем маленький, двухместный. Я

на таком никогда не летала.

– Знаешь, ты не грусти, твои родители были не одни. И я, и Вадик, мы их не забывали. Я к ним регулярно приезжала, иногда жила у них на даче. Мы были вместе. Не грусти, что было, то прошло, и я рада, что ты жив-здоров. Хотя ты и сволочь изрядная, да и шпион к тому же, – я наклонилась к Мишке и поцеловала его в краешек губ, погладила по голове.... Он всё ещё был моим Генералом, бесчувственный волчара....

Загудели винты самолёта, и вот уже поле ниже и ниже, а мы выше ёлок, летим за солнцем, к снежным шапкам нашего Килиманджаро.

Юность...Ничто так не сближает людей. Я знала, что Мишка уже не тот человек, с которым мы делили жизнь сто лет назад, и всё-таки он был частью меня. Я думала, как скажу Вадику, как позвоню Стёпке в Польшу, где он работал в представительстве Аэрофлота техническим директором последние лет пять. И что они мне скажут, как завопят в телефоны, и как мы все вместе поедem куда-нибудь и будем хулиганить как раньше. Я представляла это, мне ТАК хотелось.... И чувствовала – нет, не бывать. Не туда принесёт меня мой северный ветер.

Но мне улыбался мой Генерал, и солнце летело навстречу, и, кажется, я давно не чувствовала себя такой счастливой.

.....
Что это было, взрыв внутри самолёта или выстрел, по жут-

кой иронии судьбы, я не знаю до сих пор. Пламя вспыхнуло перед моим лицом, самолёт как бы прыгнул вверх, и стал стремительно падать. Мы планировали почти в невесомости, слева, со стороны кабины, был склон горы, а с моей стороны – каменистый обрыв, внизу за ним ёлки и ... всё. Мишка склонился вбок, влево, кажется, кровь шла из его рта. И всё это я успела понять за секунду. И оставались секунды.

«Ветер, почему нет ветра, – пронеслось в моей голове, – где ты, мой Северный Ветер? Спаси меня!» И сорвала я шапки снега с гор, погнала их вниз, заставила сжать пространство, превратить его в союзника, дать опору крыльям. Самолёт планировал по инерции, и его вынесло из-под защиты горной гряды навстречу холодному потоку воздуха из ущелья. Потерявшая управление подбитая стрекоза была подобна мёртвой бабочке, увлекаемой потоком Трамонтаны. Ветер развернул самолётик левым крылом вниз и с силой бросил влево на склон горы. Цепляясь крыльями за ветки елей, самолёт упал.

Я не теряла сознание, моё сознание было при мне. Некстати вспомнилось, как мне «поплохело от чашки кофе».

«Гадкий клофелинщик», – подумала я.

Всё-таки я была не в себе.

Миша лежал на своём кресле, ниже меня. Удар пришёлся с его стороны, а может его поранило при взрыве. Пахло гарью. Надо было выбираться.

– Эй, ты как, – я тронула его рукой за плечо. Он застонал.

Я отстегнула свои страховочные ремни и попыталась это же проделать с Мишиными. Но крепление было под его сиденьем, я не дотягивалась. И вдруг он заговорил, очень тихо, так что его слова почти сливались с шипением, которое доносилось из искалеченных внутренностей самолётника.

– Лиса, выбирайся, тебе меня не вытащить. Кровь... в лёгком... нет времени. Сними цепочку. Быстро, – он явно собирал силы для каждого слова. Кровавая пена на губах пузырилась. Я с детства боялась крови, а сейчас даже не обращала на это внимания, как и на его слова. Я тянулась к ремням, не теряя надежды.

– Нет... цепочка. Беги к Вадику, в Крым. Стёпке привет... вместе... Ты умница, Лиса... за моих... спасибо... ты должна... в Крым... смешно, – потом он начал кашлять, и стало тихо, только огонь и гарь усилились.

«Нужна помощь, – думала я, – а телефон, где телефон?» Я нащупала сумку под левой Мишиной рукой, она была вся в крови, я потянула и вытащила её. Огонь разгорался.

– Мишка, ну пожалуйста, ты тяжёлый, ну приди в себя, – в последнем отчаянье я хлестала его по щекам... и осознала, что это уже только тело. Странно, но слово ЦЕПОЧКА как будто висело в воздухе. «Ну какая к чёрту цепочка, это, наверное, бред». Но на склонённой шее я заметила цепочку белого металла, сняла её с усилием, медальон напоминал размером и толщиной шоколадную медальку из нашего детства, только металлическую. Я одела её на себя, ремень

сумки тоже накинула на шею и привстала в кабине. Внизу в метрах в пяти-шести виднелась земля. Прыгать я не решилась. Лезть через кабину по крылу не представлялось возможным, мне во всяком случае. Но справа от ближайшей ёлки тянулась ветка, правда не слишком толстая, но выбора не было. Я уцепилась двумя руками за ветку и постаралась перебраться ближе к стволу, даже переставила пару раз руки. Но видно гимнаст из меня никудышный, ветка затрещала, и я стала опускаться. Получилось весьма удачно, прямо на склонённый берёзовый ствол, по которому я сползла вниз, обдирая ладони. Самолёт, как ни странно, горел слабее, то ли мне снизу не было так заметно. Я огляделась вокруг сквозь слёзы, которые всё никак не хотели останавливаться. Нашла телефон, включила. «А куда звонить— то? Потыкала кнопки, зашла в контакты. Вот последние звонки, сейчас...». Я не успела набрать номер, как услышала стрёкот вертолёта. «Они услышали взрыв или увидели дым хорошо,» — подумала я без большой уверенности. Шум винтов всё усиливался, сверху виднелась верёвочная лестница, а на ней человек. Он что-то сказал громко по-немецки. А потом... слышалась короткая автоматная очередь, вертолёт резко подал вверх. Подбитый самолёт вспыхнул. Я вжалась в берёзовый ствол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.